

ЦВЕТА ЖИЗНИ

На спектакле «Василий Теркин»

Сегодня мы продолжаем обсуждение произведений, выдвинутых на соискание Ленинских премий 1962 года.

Василий Теркин... В 1961 году на сцене Театра имени Моссовета появился этот полный земной радости человек, русский солдат. Смотришь спектакль о войне, а мысли возникают самые неожиданные.

ними дождями, словно тянущая в себя солдатские сапоги земля, по которой мы отступали. Безвестный русский пригорок, слегка, силуэтно намеченный на заднем плане, с голыми, облетевшими не то от осени, не то от снарядов и потому особенно дорогими деревцами.

А еще лучше — ветка, ветка на расвете, одна, простая, пушистая, с набухшими почками, ветка, бережно склонившаяся над спящими солдатами. И песня, тихо-тихо, далеко-далеко: «Соловьи-соловьи...»

Почему так много песен в этом спектакле? Замечательный композитор-песенник В. Соловьев-Седой поистине озаряет его своим чудесным талантом. Не потому ли, что песня летела по дорогам войны, не зная усталости, песня дремала у коротких солдатских костров, песня таилась в потертых солдатских рюкзаках.

...Все соединилось в этой сцене «На привале» — пафос и юмор, веселье и грусть, трагизм гибели и свет надежды, все соединилось в буйном весеннем разливе русской трехрядки. И когда нехотя, медленно опускает Теркин гармонь, здесь только мы вспоминаем, что ведь это — гармонь убитого танкиста, и вся сцена снова, еще раз густо окрашивается в трагические цвета войны. Слово гармони раскрывается необъятная, все в себя вместившая душа русского солдата.

Думается, нельзя говорить об образе главного героя только как об удаче одного артиста Б. Новикова. Это удача всего спектакля. Сам Новиков подчеркнул в своем Теркине его простоту, его обычность, его народность и, конечно, его бесконечный юмор. Б. Новиков внешне как будто не очень подходит к традиционному представлению о Теркине: он не курнос, не кудряв, не разудал. Он — невысокий, незаметный, и голос даже какой-то «не теркинский». Он ходит по сцене и нигде не декламирует, он — рассказывает. Для такого Теркина война — это не подвиг, это работа, тяжелая, повседневная. Теркин — солдат, такая у него профессия на земле — солдат. Обычность Теркина, его неистребимость, его жизнелюбие, его народность — вот что играет Б. Новиков.

...Наигрывая что-то немудрящее на своей гармонии, Теркин — Б. Новиков уходит из спектакля. «Частично рассеянный и частично истребленный», и — живой. И провожают его глазами из зрительного зала тысячи таких же «частично рассеянных и частично истребленных» и — тоже живых.

О жизни, о победе жизни — спектакль «Василий Теркин».

В. ИВАНОВА

Где он сейчас, Василий Теркин?

Может быть, он вчера, в последний раз вытерев от глины руки, ушел из нового, еще пустого, еще холодного, еще пахнущего краской, но уже ждущего первого новосела дома? Или он пустил первую воду в пересохийший от жажды зев канала? Или свалил последнее гордое таежное дерево на первой улице нового города?

Ведь сегодня на месте руин растут белокаменные цветы новых городов. И потому, думая о войне, мы думаем о жизни.

Спектакль «Василий Теркин» (режиссер А. Шапс, художник А. Васильев) окрашен в цвета жизни. Спектакль о войне, но это не значит о батальных. И пусть иногда слишком театральной выглядит война в спектакле Театра имени Моссовета — пиротехнические разрывы бомб, идущие на приступ цепи солдат, упирающиеся в кулисы. Пожалуй, не во всем удалась сцена со Смертью. Здесь все жизнеподобно — метель, из метели вырастающая смутная, мятущаяся белая фигура. Теркин, раненный, лежащий на земле. Но подобие — это еще не правда, правда, которая может быть острой, неожиданной и, если речь идет о войне, драматичной.

Мы потому здесь говорим о драматизме, что к нему обязывает театр первоисточник — поэма Александра Твардовского, поэма о балагуре Теркине, о весельчаке Теркине, сценическая композиция которой так удачно сделана К. Воронковым. Неистощим каскад теркинских прибауток! А ведь они рождались в перерыве между боями, в которых погибали друзья, рождались на трагических дорогах отступления, на родных пепелищах.

...В зале гаснет свет. И вдруг снова зажигается. По проходу зала идет генерал, сопровождаемый билетершей. Навстречу ему откуда-то из рядов встает молодой человек: «Разрешите обратиться, товарищ генерал?»

В разных концах зала поднимаются люди — бывшие солдаты, бывшие сослуживцы Теркина.

Да, это, конечно, актеры. Но почему-то очень хочется верить, что не из-за кулис вышли все эти люди и согласно режиссерскому замыслу расположились в зале. Хочется верить, что пришли они с шумных, мирных московских улиц, пришли на вечерок, оторвавшись от мирных своих забот, пришли встретиться с однополчанином — с Теркиным.

И их не четверо — актеров-ведущих — их больше, весь зал. Луч света выхватывает из темноты его группы спокойных, по-театральному сосредоточенных, по-театральному отутюженных, нарядных людей. Зрители становятся участниками спектакля. Зрители, люди наши, вот такие, какие они сейчас сидят в зале.

Интереснейшая находка режиссера А. Шапса! Спектакль о войне, но спектакль не о погибших, — спектакль о живых, о жизни.

Поэтому и художника А. Васильева волнуют не батальи. Гораздо дороже ему образ родной земли в трагических сполохах войны, образ, который пронизывает весь спектакль. Размытая осен-

«Литературная газета»
1962, 11 декабря г. Москва